

УДК 94(57)

Иркутское отделение Государственного банка в период политических потрясений 1917 года

В. П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается деятельность Иркутского отделения Государственного банка России в сложный период 1917 г. Отмечается влияние политических изменений, происходивших после Февральской и Октябрьской революций, на ситуацию в банковской сфере Иркутска. Особое внимание уделено событиям декабрьского противостояния между большевиками и структурами Временного правительства, которые привели к разрушению здания банка.

Ключевые слова: Иркутск, Государственный банк, кредитная политика, финансы, Февральская революция, политическая борьба, декабрьские бои.

О деятельности и изменениях в жизни Иркутского отделения Государственного банка в сложный и переломный для страны период 1917–1919 гг. известно очень немного. Эта страница его истории, как, впрочем, и всей экономической жизни региона, изучена крайне поверхностно. До сих пор нет серьезных исследований не только о событиях этого периода и динамично меняющихся процессах, связанных с неоднократной сменой политической власти в Сибири, но и о становлении советской экономической и финансовой политики в регионах. К тому же сохранилась лишь небольшая часть источникового материала, позволяющая восстановить связь времен и попытаться разобраться в противоречивых событиях того времени. В результате в истории банковского дела Иркутской губернии присутствуют существенные пробелы и противоречивые оценки. Необходимо понимать, что в силу региональных особенностей революционные события в Сибири имели свою специфику и заметно отличались от тех процессов, которые происходили в Центральной России.

Февральская революция, как и по всей стране, в Иркутске была встречена с большим воодушевлением. Практически сразу после ликвидации старых органов власти стал формироваться общегражданский комитет, получивший название Комитет общественных организаций (КООРГ) и ставший высшим политическим учреждением Иркутска и губернии. Расположился КООРГ в здании канцелярии генерал-губернатора. Процесс формирования КООРГа продолжался на протяжении почти двух месяцев. К апрелю 1917 г. уполномоченные представляли в КООРГе 77 различных организаций Иркутска, в том числе от профсоюзов рабочих и служащих, общественных, профессиональных и национальных организаций, Биржевого комитета, отделения Всероссийского союза городов и т. п. Новая структура, попытавшаяся сосредоточить в своих

руках все управление губернией, главную цель видела в том, чтобы «вести политическую и экономическую жизнь в русло организованности и планомерности». Уже 7 марта были оформлены основные секции КООРГа – топливная, железнодорожная, продовольственная, промышленная, финансовая, труда [11, с. 150]. Комиссаром по управлению губернией был назначен эсер И. А. Лавров (1871–1942). Это был опытный экономист, он возглавлял Иркутскую казенную палату, а с 1916 г. еще и Иркутскую военно-промышленную палату, т. е. по долгу службы прекрасно разбирался в финансово-хозяйственном положении губернии. Позднее, в 1922–1924 гг., занимал должность заместителя народного комиссара финансов Бурят-Монгольской АССР. После эмиграции в Китай работал в Харбине кассиром.

Следует отметить, что в период правления Временного правительства ни в целом по стране, ни в Иркутске каких-либо изменений в функционировании Государственного банка и его отделений не происходило. Так же бесперебойно работали различные кредитные организации, сберегательные кассы, частные и общественные банки. К тому времени в городе, кроме отделения Госбанка, кредитные операции осуществляли пять коммерческих банков: иркутские Елизаветы Медведниковой и Общества взаимного кредита, а также филиалы Русско-азиатского, Сибирского торгового и Волжско-Камского банков. Продолжавшаяся война, рост цен, нехватка денежной массы усугубляли экономический кризис в стране. Дефицит государственного бюджета в 1917 г. достиг 22,6 млрд руб. Чтобы как-то снизить его, новому правительству приходилось поднимать налоги, прибегать к внутренним и внешним займам и денежной эмиссии.

Одной из первых попыток возместить дефицит бюджета стало принятое 26 марта Временным правительством решение о выпуске «Займа Свободы». Подписка на него открылась с 6 апреля. В отличие от предшествующих царских военных займов, новый выпускался как долгосрочный. Он был рассчитан на 54 года с погашением в течение 49 лет, начиная с 1922 г. Подписная цена была установлена в 85 % от номинальной цены облигации, т. е. за 100-рублевую облигацию можно было заплатить лишь 85 руб. Кроме того, при покупке облигации требовалось наличных денег не более 10 %, а остальная сумма могла быть получена в банке в виде ссуды под залог самих облигаций. Столь низкий подписной курс, долгосрочный характер займа, льготные условия подписки, возможность сдачи облигаций в казенные залоговые – все это предназначалось для того, чтобы сделать «Заем Свободы» максимально выгодным и привлекательным для буржуазии и доступным не только для средних слоев, но и для трудящихся. Облигации «Займа Свободы» выпускались достоинством в 50, 100, 500, 1000, 10 000 и 25 000 руб. Экспедиция заготовления государственных бумаг в июне 1917 г. сообщала, что больше всего отпечатано 100-рублевых облигаций, так как другие пользуются сравнительно меньшим спросом.

Временное правительство начало настоящую массовую кампанию по пропаганде займа, стремясь привлечь к нему как можно больше населения. Массовым тиражом выпускались брошюры, прокламации, листовки с призывами поддержать заем. Против займа выступили только большевики, считавшие, что полученные от него деньги пойдут на продолжение войны и только ухудшат

положение народных масс. В результате их агитации ряд рабочих организаций не поддержал акции по продвижению займа. Так, в Иркутске центральное бюро Союза профсоюзов приняло резолюцию о невозможности участия в кампании по подписке на «Заем Свободы» [7, с. 317].

Для популяризации «Займа Свободы» в Иркутске, как и по всей стране, был образован губернский комитет. Его возглавил губернский комиссар И. Лавров. Комитет выпустил 13 апреля 1917 г. специальное обращение во все волостные и сельские исполнительные комитеты. В нем предлагалось обсудить вопрос о широкой популяризации сведений о займе среди сельского населения. С этой целью комитет рекомендовал образовывать специальные комиссии для издания и распространения объявлений, брошюр, плакатов, организовать чтения, беседы и лекции для разъяснения сущности и значения займа. В эти комиссии предлагалось привлечь деятелей кредитных и потребительских обществ, учителей, агрономов, священников. За всеми раздаточными материалами нужно было обращаться в инспекцию мелкого кредита при Иркутском отделении Государственного банка [6, л. 3]. Такая широкая агитация давала свои результаты. Только в апреле 1917 г. подписка на заем в иркутском банке Общества взаимного кредита составила почти 2 млн руб. [10, с. 238]. Всего по стране удалось собрать к октябрю 1917 г. около 3,7 млрд руб. Значительная часть этой суммы была внесена обязательствами казначейства, что снижало эффективность займа как инструмента покрытия текущих расходов и антиинфляционного фактора. 16 сентября 1917 г. наступил срок выплат по первому купону займа. Министерство финансов приложило значительные усилия для обеспечения выплат по этим купонам, чтобы сохранить доверие населения к займу. После Октябрьской революции в декабре 1917 г. советская власть приостановила выплаты по всем купонам «Займа Свободы» и запретила сделки по ценным бумагам. Но в связи с дефицитом денежных средств уже в январе 1918 г. советское правительство вернулось к вопросу о «Займе Свободы». 30 января был издан декрет «О выпуске в обращение облигаций «Займа Свободы» в качестве денежных знаков». В соответствии с ним облигации этого займа достоинством не свыше 100 руб. допускались к обращению на территории РСФСР наравне с кредитными билетами. Новые купонные листы при выпуске облигаций этого займа в обращение не поступали, а купоны, выпущенные ранее, оплате не подлежали. Этим же декретом советское правительство строго предупреждало, что лица, «отказывающиеся принимать облигации «Займа Свободы» как денежные знаки по номинальной стоимости, подлежат преданию суду и караются по всей строгости революционных законов». В Иркутске, например, за отказ принимать наравне с другими денежными знаками серии государственного казначейства и «Займа Свободы» разных достоинств и купонов к ним был установлен штраф до 3 тыс. руб. [10, с. 310].

Займы не решили проблем наполнения государственного бюджета. Военные расходы и дефицит бюджета Временное правительство попыталось покрыть за счёт эмиссии бумажных денег. Лимит банкнотной эмиссии Временное правительство увеличило в пять раз, доведя его до 16,5 млрд руб. Несмотря на это, денег в обращении все равно не хватало. Временное правительство про-

должило выпускать внутренних займов (5 % годовых) и стало печатать деньги нового вида. Сначала это были так называемые думские казначейские билеты номиналом в 250 и 1000 руб., затем «керенки» номиналом в 40 и 20 руб. В результате нарушилась привычная для населения структура денежного обращения. Одновременно ходили деньги различных видов и номиналов, причем «керенки», ставшие наиболее распространенными деньгами, имели совершенно непривычный номинал. Не удивительно, что в таких условиях деньги царского времени стали средством сбережения.

Начавшийся с весны 1917 г. политический кризис еще более усугубил ситуацию и повлек за собой распад экономического единства страны. Наряду с острейшим дефицитом потребительских товаров и транспортным кризисом он выражался в том, что во многих регионах финансовая ситуация стала зависеть от местных условий. Инфляция вызвала дефицит мелких купюр, причем сильнее всего их нехватка ощущалась на окраинах страны, куда из центра не успевали посылать дополнительные партии денежных знаков. Н. С. Романов уже летом 1917 г. отмечает, что в Иркутске нет совсем мелкой разменной монеты [10, с. 244]. Местные власти, предприятия и кооперативные организации стали практиковать выпуски бонов, стремясь обеспечить размен в локальных масштабах. Покупательная способность рубля снизилась с 63 коп. золотом в 1916 г. до 40 коп. в 1917 г. Рост денежной эмиссии вызвал неконтролируемый рост цен и падение реальных доходов населения, что отправило российскую экономику в окончательную рецессию. Другим негативным итогом финансовой политики царского и Временного правительств стал колоссальный государственный долг – как внешний, так и внутренний, общая сумма которого к октябрю 1917 г. дошла до 50 млрд руб. [9, с. 359].

К осени 1917 г. финансовая ситуация, особенно в Сибири, стала катастрофической. Введение в оборот в качестве законного платежного средства ряда ценных бумаг и выпуск денежных суррогатов привели к тому, что, кроме общегосударственных денежных знаков, в некоторых городах и губерниях страны появились свои средства обращения. Подобные эмиссии означали, что при Временном правительстве начался процесс распада единой денежной системы страны, усиливавший общую дезорганизацию и способствовавший дальнейшему усилению инфляции. В еще большем масштабе эта денежная анархия в Сибири происходила в период временного установления советской власти и последовавшей затем Гражданской войны.

С февраля до октября 1917 г. в Иркутске не только стабильно функционировали все ранее созданные банки, но и открывались новые. Так, 23 октября 1917 г. в доме купца Метелева по ул. 5-й Солдатской, 3 было открыто Иркутское отделение Московского народного банка. На его организационное собрание был приглашен представитель от городской думы для включения в учетный комитет. Это был единственный в городе частный банк, который официально пригласил представителя от органов местного самоуправления. На заседании думы 27 октября в учетный комитет банка был рекомендован гласный К. П. Турицын [1, л. 5]. Московский народный банк существовал с 1911 г. и стал результатом многолетней борьбы кооператоров с правительством за право

иметь свой финансовый центр. Это был общественный и на 99 % кооперативный банк. Его общие обороты составляли в 1916 г. 1,2 млрд руб., а в 1917 г. значительно выросли и достигли 58 млрд руб.

После Октябрьской революции банковская система страны подверглась существенным преобразованиям, содержание и направленность которых определялись идеологическими и экономическими концепциями партии большевиков. Решающим был постулат о неизбежности отмирания товарно-денежных отношений при переходе к социализму. В то же время предполагалось, что сохранит свое значение принцип распределения по труду. Поэтому было сформулировано требование наладить в переходный к безденежным отношениям период строжайший учет и контроль за мерой труда и потребления. В этом контексте особая роль отводилась Государственному банку с его сложившейся системой взаимодействия с населением. Именно он мог осуществлять в рамках всей страны единое счетоводство, учет производства и распределения продуктов. Большевики практически сразу приступили к реализации идеи единого банка.

Уже в ходе восстания в Петрограде во все банки были направлены комиссары, взявшие под контроль все банковские операции. Радикальные действия большевиков вызвали многочисленные акции протеста, саботажа и забастовок служащих и работников государственных учреждений. С 8 по 23 ноября 1917 г. Государственный банк клиентов не обслуживал, но в течение этого времени продолжал осуществлять свою основную функцию – эмиссионную. В обращение было выпущено 610 млн руб., 459 млн руб. из которых направлены в конторы и отделения на местах. В самом конце декабря 1917 г. после вооруженного захвата зданий петроградских банков был принят декрет ВЦИК «О национализации банков», в стране введена государственная монополия на банковское дело. В соответствии с этим декретом «в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов единого народного банка Российской Республики» акционерные коммерческие банки и банкирские конторы подлежали национализации и слиянию с Государственным банком. Сам банк с конца января 1918 г. стал называться «Народный банк Российской Республики», затем – «Народный банк РСФСР».

На окраинах огромного государства установление советской власти происходило по-разному. В Иркутске конфронтация противоборствующих сторон продолжалась до декабря и вылилась в ожесточенное вооруженное столкновение. Еще на I съезде Советов рабочих, солдатских депутатов Сибири, проходившем 5 ноября 1917 г., был создан Центральный исполнительный комитет советов Сибири (Центросибирь). Этот орган сконцентрировал усилия на большевизации советов и объединении их в борьбе за установление советской власти в Сибири, и прежде всего в Иркутске. 19 ноября был создан военно-революционный комитет (ВРК) во главе с Я. Д. Янсоном и началось формирование отрядов Красной гвардии. В ответ на заседании городской думы, находившейся в руках эсеров, был создан Комитет общественных организаций для «защиты и охраны революционных завоеваний». Комитет призвал все демократические силы в городе встать на защиту завоеваний революции. Одновременно вспыхнул саботаж распоряжений органов советской власти чиновника-

ми всех государственных учреждений. 4 декабря большевики попытались перейти в наступление. Был арестован губернский комиссар И. А. Лавров, заняты казначейство, казенная палата, Иркутское отделение Госбанка и частные банки. Еще утром были заняты почта и телеграф. Не имея возможности в этих условиях обеспечить сохранность ценностей, управляющие банком и казначейством передали ключи от кладовых и кассы под охрану городскому голове [10, с. 260]. Обе стороны в целях предотвращения грабежей и разбоя в отношении банковских зданий выделили им дополнительную охрану. Так, в Госбанк были направлены караулы от местного гарнизона и Красной гвардии, всего около 30 человек, не считая банковской охраны [2, л. 99]. В Медведниковский банк командирован от красных караул из двух человек. Вероятно, была установлена дополнительная охрана и других банков. Вооруженные столкновения начались 8 декабря восстанием казаков и учащихся юнкерских училищ. Почти две недели в Иркутске шли ожесточенные бои. По масштабам и количеству жертв декабрьские бои в Иркутске стоят на втором месте после боев в Москве, где также происходило юнкерское восстание. Общее число убитых и раненых составило более 1 тыс. чел., были разрушены и сожжены десятки зданий. Сильно пострадало здание Русско-азиатского банка, и почти полностью были разрушены и сгорели здания, входившие в усадьбу Иркутского отделения Государственного банка [8, с. 125].

В Государственном архиве Иркутской области сохранился любопытный документ. Речь идет о донесении управляющего Иркутским отделением Е. Х. Гадзяцкого вышестоящему руководству о случившейся беде и о тех мерах, которые предпринимаются для восстановления работы банка [2, л. 99–101 об.]. Донесение управляющего подтверждалось подписями контролера и секретаря банка, а также назначенного от советской власти комиссара Любимова. Телеграммы с информацией о случившемся Любимов направил в адрес управляющего Государственным банком еще 17–21 декабря 1917 г. А обстоятельное донесение об этих событиях было составлено и отправлено 18 января 1918 г., оно фактически по дням восстанавливает ход разыгравшихся событий.

Здание банка оказалось фактически в эпицентре событий. Рядом с ним в здании мужской гимназии была размещена 2-я Иркутская школа прапорщиков, оказавшаяся под перекрестным огнем. Бои начались 4 декабря около 4 часов дня. Несмотря на постоянный обстрел, служащие из находившегося рядом жилого корпуса ежедневно по несколько раз посещали главное здание для наблюдения за его состоянием и проверки охраны кладовой, которую несли выделенные банку караулы. Уже в течение первого дня все окна здания банка оказались выбиты ружейным и орудийным огнем. Из опасения за жизнь караульных посты от дверей кладовой на втором этаже были сняты и размещены на первом этаже в наименее обстреливаемых местах. Квартира управляющего на первом этаже окнами выходила на Амурскую улицу и так же хорошо простреливалась. Сам управляющий с семьей был вынужден искать убежище в простенке коридора своей квартиры. В жилом корпусе было всего несколько жилых комнат и узеньких коридоров, которые не простреливались пулями, в них и разместились все проживавшие служащие с семьями.

Ожесточенный огонь по зданиям банка был связан, вероятно, с тем, что каждая из противоборствующих сторон считала, что здание занято противником. Таким образом, все находившиеся в усадьбе служащие с семьями и караул оказались отрезанными от внешнего мира. 11 декабря в полдень от одного из снарядов загорелась квартира управляющего. Попытки потушить ее оказались безуспешны, так как доступ к пожарному колодцу и шлангу, находящимся во дворе, был затруднен из-за ружейной стрельбы. В самом же здании не оказалось ни топоров, ни ломов, без которых было невозможно справиться с очагами пожара [2, л. 99 об.]. Было принято решение затопить квартиру, чтобы не дать огню распространиться. Но к тому времени он уже перекинулся на верхний этаж в кабинет управляющего и зал заседаний учетно-ссудного комитета. Пришлось открыть все краны и затопить водой все помещения банка. Напомним, что это происходило в декабре и вода быстро превратилась в лед. Документация и банковские книги были либо залиты водой, либо сгорели.

Обстрел банка не прекращался ни на минуту. Он не ослабел даже после того, как из окон второго этажа был вывешен белый флаг с надписью «Банк горит» [2, л. 100]. К вечеру 11 декабря весь караул перебрался в жилой корпус. Причем во время перебежки был убит начальник приданного от гарнизона караула. Главное здание банка горело в течение трех дней, пожар распространялся довольно медленно, что спасло помещение кладовой и находящийся под ней архив сберегательной кассы, а также комнату для караула. Так же мало пострадала комната центральной почтово-телеграфной кассы, оказавшаяся залитой водою.

Возникли проблемы с продовольствием для осажденных. 30 человек охраны пришлось кормить из запасов служащих. Вскоре и эти запасы подошли к концу, перед служащими с семьями и караулом возникла опасность голода. К тому же к концу пожара замерз водомер, и прекратилась подача воды. Доставка дров из сарая во дворе также была сопряжена с большими опасностями. Все это привело к критической ситуации людей, собравшихся в жилом корпусе. 14 декабря начальник караула от Красной гвардии Васильев смог пробраться в штаб военно-революционного комитета, изложил его руководству письмо Е. Х. Гадзяцкого, в котором была обрисована критическая ситуация и содержалась просьба о помощи. Отметив, что кладовая банка уцелела, он просил также прислать смену караулу и продовольствие [2, л. 100]. В ответ Янсон сообщил, что стрельбу он не может прекратить, в связи с чем охрану высылать бесполезно. Осажденным было рекомендовано оставить усадьбу и выбраться на окраины города, обещано прикрыть отход ружейным огнем. В результате все заложники событий в усадьбе банка были вынуждены ее покинуть, «оставив на произвол судьбы все свое имущество, вынести которое они не могли за краткостью времени, данного им на выход». Вскоре после этого жилой корпус также загорелся. Тушить его было некому, и он в ночь на 16 декабря выгорел дотла. Все имущество проживавших в нем служащих и работников погибло безвозвратно.

Управляющий банком после того, как 14 декабря покинул усадьбу, вновь обратился в штаб ВРК с настоятельной просьбой обеспечить охрану кладовой банка надежным караулом из солдат гарнизона и юнкеров, «чтобы сделать ответственными за целостность кладовой обе борющиеся стороны и тем заставить

прекратить обстрел Банка» [2, л. 101]. Предложение это штаб счел вполне целесообразным и пообещал войти по этому поводу в переговоры с юнкерами. На следующий день руководство банка вновь встретилось с Я. Д. Янсоном, который был к тому же назначен комиссаром отделения Госбанка. Узнав, что обещанный смешанный караул не удалось поставить, делегация вновь настаивала на необходимости такового. Но установить нейтральный караул стало возможно лишь 17 декабря, после заключения перемирия.

Состояние банка и его дальнейшая судьба не могли не интересовать обе противоборствующие стороны. Сразу же после перемирия была создана авторитетная комиссия из 22 человек для осмотра состояния зданий банка, в которую вошли городской голова Н. А. Чичинадзе, управляющие банком, контрольной и казенной палатами, прокурор окружного суда и др. Специалистов представляли архитектор управления дорожно-строительной части А. С. Покровский, архитектор строительного отделения Н. О. Войков, архитектор К. В. Миталь. Выяснилось, что в главном корпусе выгорели все деревянные части здания: полы, внутренние переборки, двери, рамы, стропила на крыше, все оборудование, мебель, столы, конторки, шкафы с книгами и документами. Уничтожена была электрическая арматура, печи и приборы отопления, разрушена железная крыша. Наружные стены со всех сторон имели многочисленные следы обстрела [2, л. 103]. Чудом сохранилась часть левого крыла, где на втором этаже находилась кладовая с ценностями, а на первом – архив сберегательной кассы. До кладовой добраться было невозможно из-за рухнувших перекрытий, но ее визуальный осмотр показал, что бронированные стены и двери не повреждены огнем и все замки целы. Также небольшими повреждениями отделалась крайняя часть правого крыла, на первом этаже которой находилась кухня управляющего, а на втором – архив отделения. В жилом двухэтажном корпусе сгорело все, остался только каменный остов. Другие постройки банка от огня не пострадали [2, л. 103 об.].

Большой проблемой для банка была утрата практически всей документации, в том числе всех секретных и словесных кодов, циркуляров Государственного банка, журналов и бланков по банковским операциям и даже печати. За помощью решено было обратиться в соседние отделения Госбанка. Так, в Красноярск был командирован помощник контролера И. В. Серебренников, который привез два ящика банковских книг, бланков и других документов. Разрушения и утраты были столь масштабны, что работа банка оказалась полностью парализована. Денег не было даже на выплату заработной платы служащим и работникам банка. Руководству пришлось взять взаимозачетом 18 тыс. руб. в Иркутском отделении Московского народного банка. С 22 декабря возобновило работу казначейство, через которое отделение Госбанка стало частично производить некоторые операции.

Только к 29 декабря удалось расчистить все завалы в сгоревшем здании и добраться до кладовой на втором этаже. При вскрытии кладовой присутствовала представительная группа в составе городского головы, управляющего отделением, губернского комиссара И. А. Ларова, представителя земских комиссий П. Д. Яковлева, члена учетно-ссудного комитета банка Трутнева, представите-

ля Комитета советских организаций Любимова и др. При осмотре было установлено, что все ценности и денежная масса не пострадали. Для надобностей казначейства из кладовой было взято разменного капитала на 7,6 млн руб., оборотного капитала – на 48 650 руб. [2, л. 102].

Практически сразу же были предприняты меры к возобновлению деятельности банка. С помощью городских властей банку было выделено помещение реквизированного Первого общественного собрания. Сотрудники приступили к оборудованию в нем временных помещений для банка и сберегательной кассы. Уже 8 января 1918 г. все операции банка проводились в полном объеме. В иркутских газетах была размещена информация о начале работы банка и сберегательной кассы № 100 при нем в новом помещении. Правда, отделение временно работало не в полном режиме. В течение января оно было закрыто по вторникам и пятницам, в это время служащие восстанавливали сгоревшие счета клиентов. Несмотря на возобновление работы, как отмечалось в докладной управляющего, «гибель всех руководств, книг и бланков ставит зачастую непреодолимые препятствия ведению всех операций и работ отделения» [2, л. 101 об.]. В связи с этим банк просил Центральное управление Госбанка выслать необходимые бланки и книги, а также циркулярные распоряжения за текущий и предшествующие годы; кроме того, почтовое подтверждение баланса на 1 декабря, ведомость по сметным расходам на 1 ноября. Так как все необходимые для восстановления годового баланса документы погибли в пожаре, руководство банка запрашивало инструкции по открытию баланса на 1918 г. и о порядке удовлетворения клиентов по текущими и специальным счетам сберегательной кассы, а равно и по всем прочим операциям. Отделение просило командировать нескольких опытных служащих для консультирования по общим и частным вопросам деятельности отделения банка в столь сложных условиях.

Во время пожара пострадали не только здания и имущество банка. Огонь уничтожил квартиры управляющего, ряда высших служащих и работников банка. Сохранилось заявление управляющего Е. Х. Гадзяцкого от 3 января 1918 г. о причиненном ему ущербе, заверенное комитетом Союза служащих Иркутского отделения Государственного банка. В нем подробно описывается все имущество его шестикомнатной квартиры, что уже само по себе интересно, так как позволяет детально представить повседневную жизнь и уровень материального состояния высшего банковского чиновника. В огне сгорели все его личные вещи и имущество на сумму в 37,6 тыс. руб. Также сгорели вещи жившей с ним прислуги с дочерью – гимназисткой 8-го класса на 500–600 руб. [3, л. 1]. Убытки остальных сотрудников, проживавших в двухэтажном флигеле, составили 88 415 руб. 50 коп. Таким образом, общий ущерб от пожара служащих и работников банка был оценен в 126 тыс. руб. К сожалению, из материалов дела не понятно, каким образом эти убытки были компенсированы.

В письме от 18 января 1918 г. управляющий банком писал, что уцелевшие от пожара части здания уже начали приводить в порядок. Владельцы сгоревших квартир оказались в сложном положении, временно разместившись в съемном жилье или у родственников. Поэтому в первую очередь было решено приспособить под временные жилые помещения те части главного корпуса,

которые меньше всего пострадали от огня. Также необходимо было восстановить комнаты для организации охраны кладовой. Несмотря на финансовые сложности и частую смену властей в 1918–1919 гг., работы по восстановлению зданий банка продолжались. Была создана строительная комиссия во главе с управляющим банком. Отдельные службы банка стали заселяться в отремонтированные части здания уже в конце 1919 г. А 19 февраля 1920 г. отделение Госбанка полностью переместилось в свое помещение на Амурской улице [10, с. 394]. Окончательное завершение работ происходило уже при советской власти. В феврале 1920 г. управляющий отделения Ю. Г. Чаговец обратился в сметную комиссию финотдела Иркутского губревкома с просьбой выделить средства для завершения работ в размере 135 тыс. руб. Для решения вопроса из отдела государственных сооружений на осмотр зданий был направлен эксперт. Он подтвердил, что запрашиваемая сумма соответствует запланированным на ближайшие месяцы расходам. В приложенном акте отмечалось, что в целом работы по восстановлению сгоревших помещений заканчиваются. Большая их часть уже использовалась банком [5, л. 34 об.]. Оставалось завершить работу по освещению, покраске некоторых помещений. Не были готовы комната для служащих, кухня. В 3-й кладовой велись отделочные работы, но в 4-й кладовой для золотого запаса установлена лишь арматура для железобетона. Жилые части здания, несмотря на только черновую отделку, были заселены жильцами. В пристройках каменная кладка еще не доведена до крыши примерно на девять рядов. Основной проблемой новая власть считала предстоящее использование пристроен и кладовых, «т. к., возможно, при изменившихся политических условиях необходима будет перепланировка зданий и приспособление их для других расширенных заданий» [5, л. 35].

Всеми строительными работами по восстановлению и реконструкции зданий банка руководил инженер А. С. Покровский, получавший вознаграждение в размере 5 % от сметной стоимости работ. До революции он был гражданским инженером, а потом иркутским епархиальным архитектором. По его проектам построены каменные храмы в Тулуне, Верхоленске, Александрийская церковь в Иркутске, а также деревянные церкви в нескольких селах губернии.

Вероятно, выделенных средств не хватило. На заседании Иркутского губревкома 4 мая 1920 г. вновь был поднят вопрос о завершении ремонта и расширении зданий бывшего отделения Народного банка, принято решение о выделении для этих целей 679 523 руб. [4, л. 79]. Завершение строительства признали первостепенным по своей важности делом, поскольку этим же постановлением отклонили ходатайство финотдела о выделении средств на содержание служащих ликвидируемых частных банков, самой ликвидационно-технической коллегии, эвакуацию служащих частных банков и т. п. При реконструкции здания банка были значительно увеличены его боковые фасады. Само здание получило два наверхия: четырёхгранный купол, подчёркивающий центральную ось, и восьмигранный, акцентировавший угловой объём постройки. Окончательный облик здания сложился к 1920 г. после его полного восстановления.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 4. Д. 74.
2. ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 130.
3. ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 155.
4. ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 18.
5. ГАИО. Р-260. Оп. 1. Д. 42
6. ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 150.
7. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 848 с.
8. Новиков П. А. Иркутск в огне Гражданской войны / П. А. Новиков // Иркутск: события, люди, памятники. – Иркутск : Оттиск, 2006. – С. 120–139.
9. Раздорский Е. А. Финансовое положение Российской империи накануне Октябрьской революции / Е. А. Раздорский // Молодой ученый. – 2017. – № 5. – С. 358–361.
10. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов ; сост. Н. В. Каликаускене. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 560 с.
11. Шапова Л. В. Февральская революция 1917 года в Иркутске: конструирование системы местного управления / Л. В. Шапова // Сибирский город XVIII–XX вв. – Иркутск : Оттиск, 2010. – Вып. 7. – С. 143–155.

Irkutsk Branch of the State Bank during the Period of Political Upheaval of 1917

V. P. Shakherov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article describes the activity of the Irkutsk branch of the State Bank of Russia during tough period in 1917. The impact of the political changes that took place after the February and October revolutions on the situation in the banking sector of Irkutsk is noted. Special attention is paid to the events of the December confrontation between the Bolsheviks and the Provisional Government authorities, which led to destruction of the bank building.

Keywords: Irkutsk, State Bank, credit policy, finance, February revolution, political struggle, December fighting.

Шахеров Вадим Петрович

*доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России, исторический
факультет*

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)334372
e-mail: wodalis@yandex.ru*

Shakherov Vadim Petrovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History of Russia,
Faculty of History*

*Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)334372
e-mail: wodalis@yandex.ru*